

Артефакты вторичного мира в словенской лингвокультуре

Кулешова Мария Львовна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Артефакт для культуры в целом – это некий искусственно созданный предмет, имеющий знаковое или символическое значение. Мы будем рассматривать представления об артефактах как один из видов ментефактов культурного пространства, получивший название «артефакты вторичного мира». Такие артефакты можно определить как «предметы из вторичного, как правило, сказочного мира, которые являются национально-маркированными и значимыми для данной культуры (например, *живая и мертвая вода* или *молодильные яблоки*)» [Русское культурное пространство: 21]. Необходимо отметить, что многие артефакты имеют двойную природу. Например, в русской культуре *зеркало* может использоваться как предмет реальной, первичной действительности и в то же время как объект вторичного мира, поскольку зеркало вобрало в себя определенные представления о воде, которая в древнеславянской культуре обладала оживляющими, очищающими свойствами, являлась местом обитания нечистой силы. Другой вид артефактов (например, *ковер-самолет*, *избушка на курьих ножках*) существует лишь в воображаемом, вторичном мире. Именно такие артефакты являются предметом настоящего исследования.

Артефакты вторичного мира относятся к когнитивной базе представителей той или иной культуры и предстают как стереотипные образы, в виде определенного инвариантного представления. Они выступают в качестве эталонов или, иными словами, фигурируют как «образцы, с которыми сравниваются реальные предметы, явления» [Захаренко: 108]. Таким образом, возможна апелляция к артефактам вторичного мира в речи представителя рассматриваемой культуры в контекстах, не имеющих отношения к вторичной действительности.

С целью описания артефактов вторичного мира в словенской лингвокультуре было проведено анкетирование информантов, состоявшее из двух этапов. Первый этап был направлен на выяснение того, какие волшебные предметы знакомы современным словенцам и какие из них могут быть упомянуты в повседневной речи и иных контекстах, не имеющих отношения к вторичному миру. Информантам предлагалось отметить известные им волшебные предметы, указать, из каких источников они им известны, а также привести пример упоминания волшебного предмета в речи. Второй этап имел своей целью определить степень бытования и особенности функционирования артефактов вторичного мира в словенской лингвокультуре, а также дифференциальные признаки стереотипного образа, стоящего за тем или иным артефактом. Нами были предложены 16 названий гипотетических статей или телепередач, таких, как, например, «*Čudežni mlinček za starejše ženske*» (Волшебная мельница для пожилых женщин) или «*Vsaka gospodinja sanja o mizici pogrni se*» (Каждая хозяйка мечтает о скатерти-самобранке). Информанты должны были предположить, о чем могла бы идти речь в той или иной статье или телепередаче.

Результаты анкетирования, в котором приняли участие 20 словенских студентов, показали, что словенцам проще определить значение языковой единицы в том или ином контексте, нежели самим сформулировать фразу, в которой упоминается артефакт вторичного мира. Исследование позволило нам составить список из 14 артефактов. Большая часть языковых единиц, обозначающих волшебные предметные реалии, образуются в словенском языке по модели «*čarobni* + название предмета», «*čudežni* + название предмета» (волшебный + название предмета). Это связано с меньшим числом выразительных средств и моделей в словенском языке по сравнению с русским, а также с небольшим числом волшебных сказок. Среди артефактов встречаются как единицы, характерные для многих лингвокультур, например, *čarobna palica* (волшебная палочка, палочка-выручалочка), так и берущие начало в словенском фольклоре, например,

zdravilno jabolko (целебное яблоко). Некоторые артефакты вторичного мира приобрели в словенской лингвокультуре два значения. Например, *čudežni mlinček* (волшебная мельница) может быть связана: а) с западнославянской и частично южнославянской культурой и обозначать волшебную мельницу, превращающую старух в молодых и красивых женщин; б) с западноевропейскими сказками и обозначать чудо-мельницу, которая сама веет и мелет. Для словенской лингвокультуры важнее второй образ: словенцы чаще всего упоминают *čudežni mlinček*, когда говорится о реальном или желаемом изобилии чего-либо: «S čudežnim mlinčkom bomo namleli denarja» (С помощью волшебной мельницы мы намелем денег).

Самые узнаваемые единицы – это *čarobna palica* (волшебная палочка) и *mizica pogrni se* (скатерть-самобранка, букв. «столик, накройся»). Они знакомы приблизительно 90 % информантов и чаще всего встречаются в неденотативном значении в сети Интернет. Однако единицы, редко встречающиеся в подобных контекстах, но являющиеся частью когнитивной базы представителя словенской культуры и функционирующие как стереотипный образ, были также описаны нами как артефакты вторичного мира. К числу таких единиц принадлежит, например, *zlati prstan* (золотое кольцо).

В результате нашего исследования было доказано, что такое явление, как артефакты вторичного мира, характерно и для словенской лингвокультуры. Сами знания словенцев об артефактах можно назвать пассивными, так как они практически не активизируются в речи.

Литература

Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь / Под ред.

И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. М., 2004.

Захаренко И.В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 104–113.